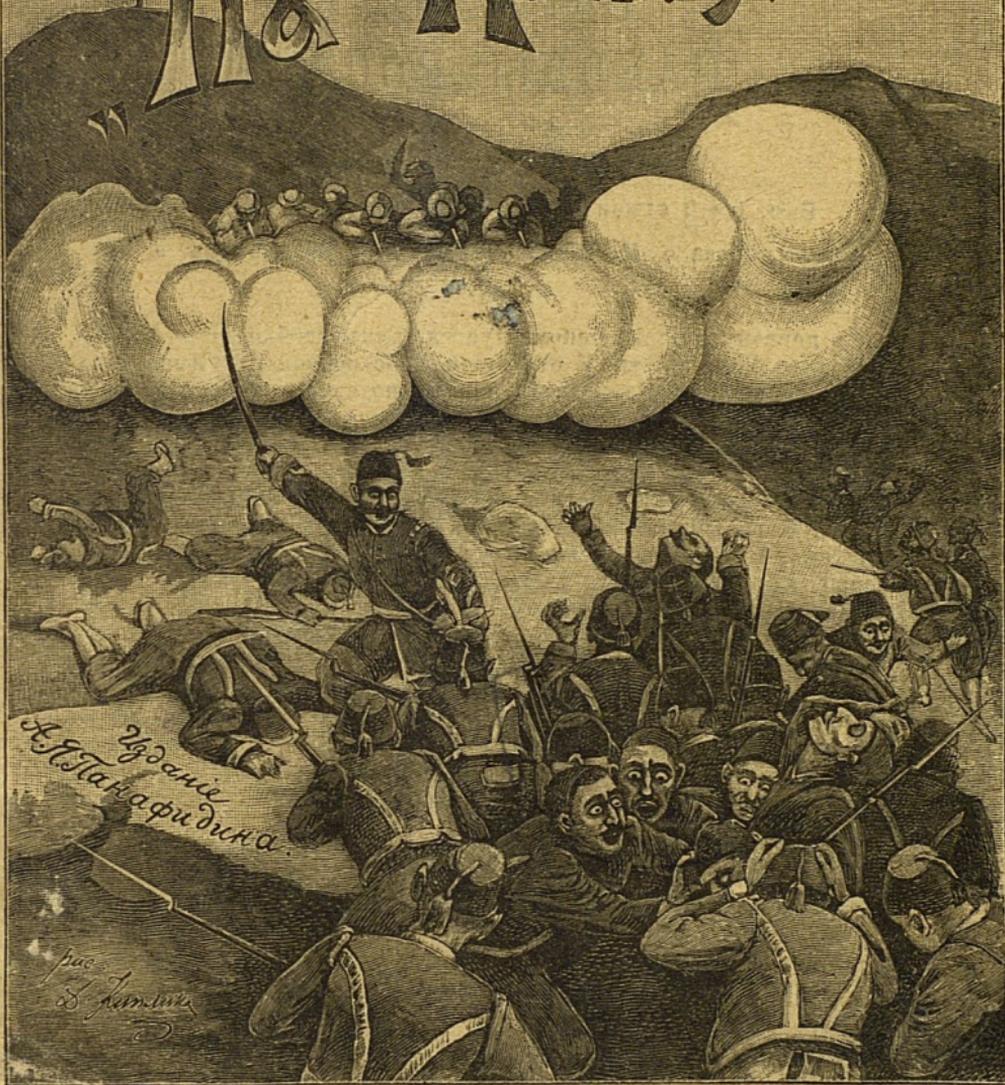

140.
Вас. Немировичъ Данченко.

№ 1 св. "Николаѣ"

Изданіе
А. А. Такафидина.

рас.
Л. Л. Л.

У КНИГОПРОДАВЦА-ИЗДАТЕЛЯ

А. Я. Панафидина.

МОСКВА, Покровка, Ляинъ пер., соб. д., № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Александровъ Н. А.

НАРОДЫ РОССИИ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Вып. I.—Пустыни сѣвера и ихъ кочующіе обитатели.

Иллюстрировано М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Учебнымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библиотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библиотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій. М. 1898 г.

Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Томе. Вып. II-ой. — Инородцы лѣсовъ Сибирь, съ прил. унк. Брожа и друг. М. 1899 г., ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к. Оглавленіе: Камчадалы съ Курильцами, Тунгусы, Амурскіе Тунгусы (Орочане, Мавягры, Бирары, Мангуны или Ольчи и Орочи), Гольды и Гиляки, Якуты и Долганы, Вогулы, Сибирскіе Татары и Бухарцы, Алтайскіе Калмыки, и голкователь.

Его-же. Волга. Этнографическіе рассказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ чталенъ. М. 1898 г. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

ВАС. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

д 43
140

На Св. НИКОЛАѢ.

(Изъ военныхъ воспоминаній).

IX.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,

спеціально для иногороднихъ,

А. Я. ПАНАФИДИНА,

Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.

ВЪ МОСКВѢ.

МОСКВА.

Тип. М. Борисенко и А. Бреслинъ. Б. Дмитровка, д. Бл. Собранія

1899.

Дозволено цензурою. Москва, Юня 30 дня 1899 г.

5813-0

2007052722

Зелено-древо.

Къ западу отъ св. Николая, заслонясь отъ солнца чащей благоуханныхъ акацій и персиковыми рощами, лѣпилась по скату зеленой горы красивая болгарская деревушка. Крытая плитами кровли и каменная ограда сползали внизъ въ прохладное ущелье, гдѣ стояла вѣчная тѣнь и подъ колыхающимися сводами деревьевъ струились сонные ключи, обложенные тамъ, гдѣ они выбиваются изъ горныхъ нѣдръ, тесаннымъ мраморомъ съ благочестивыми надписями золотою вязью. Тутъ, въ ароматной тѣни, собирались деревенскія дѣвушки съ кувшинами и чистыя, какъ слезы, струи дремотно лились въ узкія журавлиныя горлышки сосудовъ, изящная форма которыхъ славится во всей Болгаріи. Сюда сгоняли скотъ, когда солнце начинало беспощадно печь на высотахъ и медлительные буйволы цѣлые дни блаженствовали въ водѣ, выставляя только наружу добродушныя головы съ громадными рогами да черные хребты... Здѣсь останавливался утомленный всадникъ. «Тутъ стоялъ всегда веселый говоръ, звучали пѣсни и звонкій задорный смѣхъ. Въ деревнѣ наверху неустанно

кипѣль упорный трудъ; жатва уже снята была съ горныхъ склоновъ; поспѣвала кукуруза; наливались янтаремъ и румянились гроздья мускатнаго виноградника,— болгары готовили чаны для вина; обмолачивали хлѣбъ, гоняя коней по снопамъ; дѣвушки ждали осенняго разгула и свадебъ; молодежь прислушивалась чутко къ отголоскамъ близкихъ сраженій, записывалась въ болгарское ополченіе, а старики восторженно рассказывали о славной старинѣ, когда подъ мечами громадныхъ полчищъ Симеона, словно колосья, падали греческія дружины, и, казалось, не было конца великой славѣ родного народа... Жалкій райя уже вѣрилъ, что головня въ церкви сорока мучениковъ пустила зеленые ростки *) что близится время свободы и правды... Въ деревнѣ жили мастерицы, превосходно вышивавшія золотомъ по червленому бархату, шелками по камчатному сукну.

Издѣлія ихъ цѣнились и въ Тырновѣ, и въ Эски-Загрѣ и въ Казанлыкѣ; жениться на дѣвушкѣ отсюда считалось великимъ счастьемъ и не одинъ юноша болгаринъ мечталъ о суженой изъ Зелена-Древа...

Деревня эта и была Зелено-Древо.

Я только-что пріѣхалъ въ Габрово отдохнуть отъ десятидневнаго пребыванія на высотахъ Шибки. Веселая суета красиваго городка, прижавшагося къ прелестной Янтрѣ,

*) По болгарскому преданію, страна освободится отъ турокъ, когда головня въ церкви сорока мучениковъ въ Тырновѣ пуститъ зеленые ростки. Церковь эта давно обращена въ мечеть и чуть ли не совсѣмъ разобрана на дрова нашими солдатами, вообще не уважительно относящимися къ старинѣ.

гремѣвшей здѣсь своими кристалльными струями въ скалахъ и громадахъ мелкаго камня, намытаго съ горъ, заставила на минуту позабыть тяжелыя впечатлѣнія боя, страданія раненыхъ, кровавыя картины истребленія и смерти. Въ темныхъ, прохладныхъ комнатахъ свободно струился холодный воздухъ, цѣлительно дѣйствовавшій среди этого палящаго зноя; съ улицы доносились крики дѣтей, говоръ толпы и отголоски базарной толчеи...

— У васъ еще не разсѣдлана лошадь? вѣжалъ въ комнату знакомый.

— Нѣтъ.

— Скорѣй въ сѣдло и на Зелено-Древо.

— Что тамъ еще?

— Сю минутоу на деревню напали черкесы.

Начальникъ округа, уполномоченный Краснаго Креста и болгаринъ-патріотъ, служащій здѣсь посредникомъ между населеніемъ и властью, установленной нами, уже сѣлились на коней. Съ ними отправился и я. Кирилловъ—извѣстный войсковой старшина еще болѣе извѣстной уральской сотни—тянулся уже съ своимъ малочисленнымъ отрядомъ на Зелено-Древо. Если мы хотѣли догнать его, нужно было поторопиться. Мы быстро оставили за собою пестрыя и тѣсныя улицы Габрова, стремглавъ проскакали черезъ полуразрушающійся Чортовъ-мостъ, и за другимъ горбатымъ, въ темномъ ущельи, гдѣ дороги раздѣляются—налѣво на св. Николай и направо на Зелено-Древо, наткнулись на остатки пятой болгарской дружины. Она суетилась...

Въ сторонѣ перевязывали раненыхъ, нѣкоторые были не одѣты, другіе, очевидно, одѣты чѣмъ попало. Подъ деревьями безпокойно фыркали кони, въ толпахъ стоялъ суетливый, порывистый говоръ, зачинающійся всегда послѣ какой-нибудь только что пережитой опасности, когда всѣ въ одно время начинаютъ рассказывать о своихъ впечатлѣніяхъ и также одновременно смолкаютъ отъ усталости. Оказалось, что эта часть пятой дружины, бѣжавшей сюда отъ натиска черкесовъ и баши-бузуковъ. Одинъ офицеръ былъ въ рубахѣ и нижнемъ бѣльѣ; въ чемъ сидѣлъ въ палаткѣ—въ томъ и скатился съ горы, другой оставилъ наверху сюртукъ, третій былъ безъ шапки.

— Черкесы ворвались въ лагерь. Мы всѣ спали. Перекрошили не мало народу, потому что всѣ были безоружны.

— А ваши ополченцы?

— Они были на ученіи, причемъ у нихъ въ ружьяхъ не оказалось патроновъ. Наша дружина только что набрана, прямо съ полей, это еще крестьяне, а не солдаты, а ихъ генераль невѣдомо зачѣмъ на аванпосты назначилъ, да еще съ незаряженными ружьями... Ну и проглядѣли.

— Вовсе не виновать... вмѣшивается другой.— Вѣдь впереди казачій пикетъ былъ.

— Да казаки сами только тогда очнулись, когда черкесы были уже впереди. Во всякомъ случаѣ насъ никто не предупредилъ и мы опомнились только тогда, когда непріятель ворвался прямо въ средину лагеря. Кто ус-

пѣль, скатился съ горы... Говорять, что нѣкоторые попали въ плѣнъ.

— Что же было потомъ?...

— Да видѣли дымки въ далекѣ... По своей привычкѣ черкесы стали жечь села и избивать населеніе...

— Застанемъ ли мы ихъ? спрашиваетъ кто-то...

— Не знаю... Только что пошла туда пѣхота... Можетъ быть и успѣете опередить ее.

Прямо передъ нами шла въ гору головокружительная тропинка. Она то суживалась, такъ что кони ставили ногу на ногу, то деревья свѣшивались такъ, что приходилось наклоняться и охватывать лошадь за шею... Справа и слѣва колючками рвало ноги... Приподнимешься на крутой скатъ и вдругъ опять тропа чуть не отвѣсно сбѣгаетъ внизъ, чтобы по зеленой сѣдловинѣ вновь лѣпиться на новую высоту. Такимъ образомъ, съ горы на гору, съ ущелья въ ущелье—и мы добрались до скалистой вершины, на которой темнѣли брустверы оставленной батареи. Подъ нею сидѣло нѣсколько офицеровъ. За ними послышался грохотъ... Мы было глазамъ не вѣрили—по тѣмъ же тропинкамъ, по которымъ шли мы, взбирались лошади съ горными орудіями позади... За ними сверкали на солнцѣ штыки медленно пробиравшейся пѣхоты.

Вверху въ нѣсколькихъ пунктахъ изъ-за горбинъ и гребней горъ, струились вверхъ дымки... Особенно много налѣво... Горѣвшихъ селъ не было видно—одинъ только паръ разстилался въ воздухѣ... Солнце жгло, вершины были

пусты—ни малѣйшаго признака, что сейчасъ здѣсь пронеслась гроза. Дымки обвивались вокругъ тополей, точно всползли по откосамъ горъ изъ-за утесовъ вырывались порою клубами... Всползли мы еще выше—двѣ или три кровли Зелена-Древа выглянули изъ-за дымчатаго занавѣса, но пожарище опять окутало ихъ, точно ревниво оберегая отъ посторонняго взгляда...

Въ сторонѣ за брустверомъ что-то покрыто—только черными мундирами... Съ головою покрыто—только голыя ноги неподвижно торчатъ наружу... Три трупа...

— Хорошіе дружики были, изъ старыхъ... Хотя бы между новобранцами убыль была, а то изъ кадровъ все теряемъ...

Вотъ на холмъ всползаетъ еще ополченецъ. Голова обернута въ грязную тряпку, вся въ крови... Пятнами на вискахъ... Изъ-подъ безобразной перевязки кровь сочится на лицо, за шею... Платье тоже обрызгано кровью... Всѣ кругомъ какъ-то растеряны, видимо не уложилось еще впечатлѣніе.

— Да гдѣ же непріятель? добиваюсь я.

— Туда ушелъ, указываютъ на синее ущелье, ведущее за покрытую лѣсомъ гору, отъ зноя точно окутанную въ сѣрый паръ. Зз нею видна верхушка громадной Лысой горы съ черными черточками турецкихъ ложементовъ. Налѣво, на голубомъ фонѣ, рѣзкими взлетами, вырисовывается грозная вершина св. Николая.

— Какъ, совсѣмъ ушли! раздается чей-то разочарованный голосъ.

— А вамъ хочется, чтобы они насъ жгли и убивали? обрываютъ его.

Тропинка перебрасывается на гору Зелено-Древо. Гуськомъ ѣдемъ по ней и черезъ четверть часа налѣво выбѣгаетъ на склонѣ, потонувшее въ своихъ благоуханныхъ садахъ, у своихъ гремучихъ водъ, еще вчера счастливое село... Теперь изъ-за дворовъ выбрасываетъ дымки, коегдѣ огонь лижетъ каменные кровли и съ зловѣщимъ трескомъ чернѣетъ зелень высокихъ тополей... Вотъ длинный языкъ пламени вырвался и скользнулъ по прелестному цвѣтнику, перебросился въ слѣдующій дворъ, и гдѣ еще минуту назадъ дышали ароматомъ чудныя куртины, тамъ все посѣрѣло, точно разомъ осыпало золою... Еще поворотъ тропинки и Зелено-Древо пока заслонилося выступами горъ. Туда нужно было спуститься сверху. Дорога сначала взбѣгала на вершину и оттуда уже вилась внизъ по узкимъ улицамъ села..

Какая-то толпа на самой вершинѣ горы. Кони фыркаютъ и не идутъ впередъ; едва подогнали ихъ нагайками. Сторожко обошли двухъ убитыхъ лошадей, косясь на нихъ и поводя ушами... Тихо подходятъ къ толпѣ и пятятся назадъ. Дѣйствительно, зрѣлище ужасное. Раскинувъ руки, лежитъ на зеленой муравѣ трупъ, можетъ быть полчасъ назадъ еще живого человѣка. Прежде всего кидается въ глаза кровавая полость черепа. Верхняя часть головы снесена прочь... Около валяются мозги и разруб-

леная феска. Черепъ точно кровавая чаша... Всю ее заполонили мухи, тысячами онѣ здѣсь... На суровомъ и энергичномъ лицѣ ключьями рыжеватая борода. Изъ полусмежившихся вѣкъ блестятъ остеклѣвшіе глаза, когда съ нихъ поднимаются мухи... Трупъ въ черномъ пиджакѣ—ноги голы, въ животѣ громадная рана. Тутъ то же черное мѣсиво мухъ. Ступни вытянуты впередъ. Видно, какъ онѣ холодѣль, съ нихъ стягивали башмаки. Руки раскинуты, одна сжата въ кулакъ.

— Кто это?

— Турокъ какой-то... Только вѣрно волонтеръ... Ишь на немъ черный пиджакъ...

— Цивильное платье! замѣчаетъ донецъ около.

— Кто же штаны съ него снялъ... Покрыть бы чѣмънибудь надо.

— Стоить!

Когда мы возвращались назадъ, на трупѣ уже ничего не было: и пиджакъ, и жилетъ, и рубашка были сняты. Наши «братушки»-болгары, видимо, потрудились надъ нимъ. Кто-то хотѣлъ и феску унести, да вѣрно, разглядѣвъ, что она никуда не годится, бросилъ ее подальше отъ того мѣста, гдѣ она лежала сначала.

Тропинка сползаетъ внизъ въ Зелено-Древо. Пахнетъ паломъ... Еще нѣсколько шаговъ—и едва дышешь. Направо и налево красные языки пламени. Стоить дворъ—кажется цѣль, вдругъ изъ окна вырвется огонь и сразу обдастъ васъ жгучимъ дыханіемъ своимъ... На глазахъ

свертываются и пепелятся листья деревьевъ, съ сухимъ трескомъ, точно въ конвульсіяхъ сжимаются лѣтви... Вотъ впереди зелень поетъ—почернѣла разомъ. Лошадь сама прибавляетъ шагъ; еще заживо сгоришь—каждый домъ дѣлается печью... Кто-то голосить въ сторонѣ, что за отчаянный крикъ; видимо только что вернулась домой несчастная и все свое убогое хозяйство въ огнѣ застала... Въ ухахъ такъ и сѣло это рыданіе... Еще сюрпризъ, лошадь кинулась въ сторону и чуть не сбросила за каменную ограду какого-то двора. Шпоришь—нейдетъ; боясь нагайки, едва-едва, фыркая и прижимаясь къ стѣнѣ, подвигается впередъ—поперегъ дороги убитый конь, а за нимъ всю дорогу занялъ болгаринъ. На жарѣ раскинулся... Сказаль бы, что спить, если бы не рана у самого горла, въ груди. И какое спокойное лицо! Стриженная до темени голова, усы, розбѣгающіеся широко по сторонамъ, крутой лобъ, широкооткрытые глаза... И опять эти неизбѣжныя мухи!... Вѣрно сначала убили лошадь, а потомъ и съ нимъ покѣчили. Грубая бѣлая рубаха вся кровью смочена была, да скоро высохла на солнцѣ—копромъ стоять... За стѣною воетъ песь. Чуетъ ли хозяина?.. Лошадь опять упирается—нужно черезъ трупъ переступать—назадъ пути нѣтъ... Еще нѣсколько шаговъ—и убитая женщина, затылкомъ вверхъ, лицомъ въ землю... Одна рука закрыла ухо, точно, въ моментъ паденія, она защищала лицо слѣва... Такъ и заостенѣла.

Плетется раненый офицеръ.

— Куда вы?

— Да вотъ, подлець, въ ногу... Хорошо еще—хоть навлететь, да кости не задѣло... И ружье я отъ него отнялъ.

Дѣйствительно, позади него ополченецъ несетъ короткое магазинное ружье кавалерійскаго образца.

— Только меня не турокъ ранилъ.

— Кто же?

— Честное слово не турокъ.

Голосъ прерывался... Видимо еще не улеглось впечатлѣніе, приостанавливается, дотрагивается до ноги и бредеть впередъ. Зачѣмъ онъ идетъ впередъ, а не назадъ, гдѣ его перевяжутъ,—видимо и самъ онъ не даетъ себѣ отчета.

— Онъ, подлець, на конѣ сидѣлъ, бѣлый пиджакъ, желтый лѣтній галстукъ, бѣлое кепи съ затыльникомъ... Тщательно расчесанные рыжіе бакены, кажется усы выбриты... Это—англичанинъ.

— Что-жъ вы такъ его и оставили?

— Нѣтъ, дружки въ него выстрѣлили, онъ моментально закрылъ локтемъ глаза и опрокинулся съ лошади назадъ...

Дымъ идетъ въ носъ и въ ротъ. Пожарище все разгорается. Въ эту часть деревни огонь еще не дошелъ, но изъ-зади такъ и жжетъ паломъ. Вездѣ—остатки недавней работы. Видимо гроза застала неожиданно. На дворахъ мѣшки съ недосыпаннымъ золотистымъ зерномъ, вотъ снопы на кругъ разбросаны—только что молотили ихъ должно быть. Вотъ посередь дороги прялка брошена. Шла вѣрно дѣвушка съ работой—услышала позади отчаянный крикъ и кинулась опроретью впередъ... Разбитый кув-

шинъ лежить и кругомъ сыро—несла воду другая и тоже бросила его... Вотъ хлѣбъ на цыновкахъ разсыпанъ—видимо, пользуясь жаркимъ днемъ, хотѣли его просушить съ утра. На очагѣ--котелокъ съ какимъ-то варевомъ, выпѣнилось все; у глиняной печи—хлѣбы, печь потухла, а хлѣбы, видимо, только что смѣсили ихъ, готовились въ печь поставить.

Вонъ недошитая холстина брошена и нитки около... Посреди двора зарѣзанный осель. Сами-то выбрались, а его забыли, пришли черкесы и прирѣзали... Нѣтъ, вонъ скорѣй отсюда, невольно проклинаешь и эту войну, и это чудовищное истребленіе. За что пропаль этотъ чистый и благоуханный уголокъ, кому нужна была смерть этого заслонившагося отъ всего свѣта персиковыми рощами села?.. Все пожжено, потоптано, только виноградники сползаютъ внизъ и также свѣжи ихъ янтарные гроздья. Весело щебечуть надъ ними птицы... Въ голубыхъ недосигаемыхъ высяхъ черными точками словно застоялись орлы...

Быстро сверкая штыками, прошла мимо стрѣлковая рота... На гору взобрались.

— Разсыптесь по краю! слышится команда.—Ты куда, становись за кустомъ...

Взѣхали и мы... Внизу длинный рядъ казаковъ вѣзжаетъ въ ущелье, кругомъ горять деревни. Вонъ направо изъ деревянной церкви—разомъ повалили клубы дыму, изъ синевы тѣснины тоже поднялся дымокъ... Какой-то дикій крикъ вырвался и замеръ... Сухое пощелкиваніе удаляющихся выстрѣловъ и опять мертвая тишина; тамъ,

гдѣ-то, гремитъ горный ручей... Все млѣетъ въ плающемъ зноѣ утра. Балканы стоятъ въ своемъ суровомъ величїи. Что имъ за дѣло до этого ужаса!..

— Сколько было ихъ? слышится въ сторонѣ.

— Кого это? Черкесовъ?.. Пятьсотъ человекъ по меньшей мѣрѣ. Они, должно быть, ночью пробрались по горамъ сюда, въ самую сердцевину нашихъ позицій и утромъ неожиданно ударили на Зелено-Древо. Народъ, кто успѣлъ — ушелъ.

— А остальные?

— Въ оврагахъ погляди, тамъ ихъ много навалено... и бабы, и дѣти.

Невольно вздрагиваешь — дѣтей-то, женщинъ, за что-же?

— Отличную кавалерійскую рекогносцировку они сдѣлали!.. восхищался кто-то совершенно некстати.

Тутъ внутри замерло все — тоска душитъ отъ этого звѣрства, ненависть вскипаетъ, — а они въ оцѣнку пускаются.

— Слышали, четырехъ офицеровъ болгарской дружины поймали раненыхъ, а потомъ сожгли живьемъ — они въ сѣно забрались, черкесы и подожгли его...

— Правда ли?

— А вотъ спросите у того.

На косогорѣ — двѣнадцать труповъ въ-рядъ. Изъ-подъ покрыва только ноги выставляются. Видимо иные зако-стенѣли въ судорогахъ — такъ и не выправили тѣла. Приволокли какъ было... Въ сторонѣ уже и яму копаютъ. А вѣдь все это еще утромъ дышало, смѣялось, вѣрило и лю-

било. Все юноши патриоты, мстители за вѣковыя страданія своего народа. И какъ глупо умереть, застигнутыми неожиданно безъ толку, безъ пользы! Кто-то приподнялъ сѣрое сукно—лицо покрытое кровью, какая-то рана вмѣсто глазъ... Кровь на груди...

— Ну васъ, закройте скорѣе... Что за оскорбительное любопытство.

— У одного раненаго, мерзавцы, прежде, чѣмъ убить его, кожу ремнями изъ тѣла вырѣзали. А у нѣкоторыхъ голову прочь отсѣкали, да и еще надругались... Чего, чего они ни дѣлали надъ ними.

Воображаю себѣ эту смертную муку!.. Какая ненависть нужна для этого!

Населеніе восточныхъ деревень погнали они въ горы. Отсюда видѣли, какъ черкесы всю эту массу болгаръ въ бѣлыхъ рубахахъ точно стадо повели съ собою, вонъ черезъ то ущелье, что синей тѣсниной огибаетъ крутой выступъ лѣсистой горы... Сначала будутъ заставлятъ ихъ работать, строить батареи, а когда тѣ кончатъ, замучаютъ въ страшныхъ истязаніяхъ. Женщины были между ними и дѣвушки, тѣхъ еще болѣе лютыя муки ждуть.

Въ село направо послали уральцевъ отстоятъ церковь. Вытащили церковную утварь, проскакали по дорогѣ, вьющейся далеко внизу подъ деревьями, и вернулись назадъ.

— Что тамъ?

— Убитые... Дѣвушка одна убита, красивая такая. А у самой церкви дитя малое, младенчикъ еще, точно спитъ и головка на ручку положена... А у его горло, какъ у барашка, перерѣзано...

Кто-то зубами скрипнулъ.

Мечковцы тоже зажжены (о нихъ я уже писалъ вамъ ранѣе). Изъ-за горы дымокъ отъ нихъ тянется. А вѣдь поставь ранѣе, здѣсь же на Зеленомъ-Древѣ, какъ совѣтовали, небольшой отрядъ и ничего изъ этихъ ужасовъ не было... Мы его и поставили, только потому, когда уже было поздно.

Я видѣлъ лютый бой, я видѣлъ солдатъ, умирающихъ сотнями, я самъ былъ въ ихъ средѣ, но не дай Богъ мнѣ еще разъ видѣть убитыхъ женщинъ и зарѣзанныхъ дѣтей... Это выше силъ!.. Это всю жизнь, какъ кошмаръ, будетъ давить память... И въ этой шайкѣ злодѣевъ участвуютъ европейцы...

Сердце отказывается вѣрить, мысль—понимать это!

Черкесы ушли во-время... Ихъ только двое или трое остались по горнымъ оврагамъ... Да нѣсколько лошадей убитыхъ брошено на пути. Потеряли надежду догнать и вернулись назадъ. Въ Габрово я ѣхалъ съ казачьей сотней Кирилова. Навстрѣчу намъ возвращались бѣглецы Зелена-Ерева. Матери шли уныло. У иныхъ по щекамъ текли слезы, мужчины—нахмуренные съ стиснутыми зубами... на лицахъ у дѣтей—испугъ... Не всѣ они себе-

рутся жить полнымъ семейнымъ кружкомъ—и большая часть не найдетъ своихъ жилищъ, садовъ и цвѣтниковъ...

Голодъ добыть того, кто ушелъ изъ-подъ пули и ятагана...

Наши окончательно сосредоточились на позиціяхъ св. Николая и Зеленаго-Древа. Остальное отдано туркамъ, потому что растянутая боевая линія не можетъ быть защищаема тѣми силами, которыя находятся у Радецкаго. Всякое наступленіе турокъ на наши позиціи будетъ отбито. Мы будемъ только отстаиваться.

25-го августа я вернулся въ Тырново. Ночью мнѣ еще чудились залпы и глухіе удары пушечныхъ выстрѣловъ. Безсознательно вскакивая, я кидался къ окну, но за нимъ тускло свѣтилась красивая, извилистая Янтра, лѣниво круглились за нею дремотные сады противоположнаго берега, и словно окутанное серебристымъ паромъ далеко разстилалось Марино поле... Яркій мѣсяцъ будто застоялся въ ночныхъ небесахъ; робко и нѣжно томились звѣзды среди ихъ неопредѣленнаго простора... Слышалась какая-то тихая, тихая пѣсня... медлительная... печальная... Вмѣстѣ съ мечтательнымъ говоромъ Янтры, съ ночною прохладой въ окно струилось благоуханіе какихъ-то чудныхъ южныхъ цвѣтовъ...

А мысль невольно уходила туда... къ Габрову... къ грандіознымъ взлетамъ св. Николая, гдѣ на сѣрыхъ скалахъ и крутыхъ скатахъ стоятъ теперь и умираютъ богатыри, защищая эту самую такъ поэтически заснувшую въ тихую лунную ночь Болгарію...

На св. Николаѣ.

Не то ровъ, не то траншея...

Видимо—когда-то рыли что-то, да и бросили... Потомъ солдаты порасширили яму, и въ эти тяжелые дни она послужила жильемъ для цѣлаго общества офицеровъ. На югъ отъ нея грохочеть стальная батарея, не смолкая ни на минуту; направо, у самой ямы этой, гремятъ ружейные залпы, а налѣво, изъ нашихъ аванпостовыхъ ложементовъ, пострѣливаютъ по туркамъ, пробирающимся въ обходъ. Около траншеи падаютъ и рвутся гранаты, сюда залетаютъ пули,—но пока это, все-таки, лучшее мѣсто на главной вершинѣ св. Николая...

Теперь въ ямѣ особенно людно...

Только что вошелъ сюда старикъ-генераль Ренке...

Онъ здѣсь на позиціяхъ—что-то вродѣ добровольца. Только что онъ довелъ шоссе до св. Николая,—на наши позиціи обрушились турки. Онъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Габрово, остался здѣсь и служить отряду своею опытностію и знаніями... Онъ указалъ мѣсто новыхъ траншей, только что заложилъ фугасы, на случай, ежели турки вздумаютъ еще разъ подобраться съ фланга. Пробывъ цѣлый день въ огнѣ,—онъ вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало. Даже не усталъ; такъ же торопливо отдаетъ приказанія, такъ же обстоятельно переспрашиваетъ своихъ...

— Ваше превосходительство! А у насъ—несмотря на штурмъ—сегодня обѣдъ будетъ!..—предупреждаетъ его инженерный офицеръ, тоже все время работавшій на Шипкѣ.

— Что вы, Ивановъ! Не можетъ этого быть?...

— Помилуйте. Нашъ Яковъ ухитрился подь огнемъ сварить супъ и изжарить говядину.

— Вотъ кстати. Я уже мечталъ о сухаряхъ!..

— Только онъ, все-таки, въ отчаяніи. Разспросите его, ваше превосходительство, въ чемъ онъ провинился...

Яковъ—инженерный солдатикъ—стоитъ тутъ же и дѣйствительно смотритъ виноватымъ.

— Что ты надѣлалъ, Яковъ, а?

— Виновать-сь. Сладкаго не приготовилъ...

Всѣ расхохотались...

— Время ли тутъ! Спасибо и за тарелку супу...

— Это все онъ, подлець!—выругался Яковъ, несмотря на присутствіе генерала...—Помилуйте! только-было сталь я пудинъ готовить, вдругъ, анаѳема, гранатою какъ ударить—такъ всю мою печь развалилъ: я тутъ, въ землѣ, себѣ печурку вырылъ...

— А, Николай Григорьевичъ!—поднялся Ренке навстрѣчу только-что показавшемуся у входа въ эту минуту генералу Стовѣкову...—Ну, что?

— Такъ и жарятъ-сь... Такъ и жарятъ-сь—со всѣхъ сторонъ... Сейчасъ тутъ какой случай-сь... У меня въ ополченіи-сь... Засѣли это турки за насыпи и давай выбивать... Отлично-сь... Сидѣли-сидѣли мои болгары—смотрятъ—валится народъ, а взять турокъ нельзя-сь. Они насъ видятъ, а мы ихъ нѣтъ... Только одинъ изъ нашихъ и надумался. Взялъ турецкую же гранату. Она упала къ намъ, да не разорвалась... Ну-сь взялъ онъ это самое,—

отлично-съ... Взялъ и идетъ... Турки по немъ стрѣляютъ— а онъ къ нимъ-съ, да бѣгомъ! Отлично-съ... Добѣжалъ-съ да какъ хватить гранатой о земь—у турокъ только гвалтъ пошелъ-съ, а тѣмъ временемъ наши дружки выскочили и—отлично-съ... Перекололи всѣхъ...

— Мы надумали здѣсь фугасы заложить...

— Отлично-съ... Возьмите и заложите... Отлично-съ... Отлично...

Стовѣковъ потиралъ себѣ руки и суетился...

— А сегодня того, знаете... жарко... У насъ во Владимірѣ теперь—отлично-съ...

— Нужно будетъ и на нашихъ позиціяхъ мину провести... На всякій случай.

— Отлично-съ... Ну-съ, такъ во Владимірѣ теперь цвѣты распустились... Въ саду—очень хорошо-съ. У меня тамъ-съ же и дочери... Я имъ сегодня послалъ телеграмму-съ...

Грохоть и визгъ гранаты...

Брустверь траншеи точно вспучился... Граната зарылась въ мягкую массу вала. Иванова чуть не до головы обдало землею.

Секунда мертвой тишины... Ждутъ разрыва.

— Послалъ телеграмму...—какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ Стовѣковъ: —и пишу, что, ежели живъ останусь, то раньше будущаго года не ждите!.. Правда-съ?..

— Да, теперь кампанія затянется.

— Отлично-съ... Затянется, непременно..., Лукашовъ!..

Молоденькій ординарецъ-кирасиръ—вошелъ въ яму.

— Подите-сь и посмотрите-сь...

— Что посмотри́ть?..

— Подите-сь туда!..

— Несловоохотливый Стовѣковъ махнулъ рукою по направлению къ турецкой атакѣ.

— А вы, Сергѣевъ, тоже подите-сь и посмотрите-сь.

Сергѣевъ нахмурился... Его, безъ толку, уже въ десятый разъ посылають въ огонь...

Я не любопытенъ, ваше превосходительство.

— Довольно и Лукашова... Онъ скоро вернется и доложить...

— Отлично-сь... Отлично-сь... Это кого Богъ даетъ?

Въ яму вбѣжалъ весь запыхавшійся Калининъ... Онъ съ минуту переводилъ дыханіе и не могъ произнести ни слова. Безъ шапки, сюртукъ изорванъ, самъ—весь въ поту... Перевязка у плеча сползла... Ножны болтаются безъ сабли... Въ рукахъ—револьверъ.

— Ваше превосходительство... Турки опять съ фронта идутъ...

А самъ едва дышетъ. Видимо, бѣжалъ издали.

— Отлично-сь... Отлично-сь...

— Ихъ таборовъ шесть, по крайней мѣрѣ. Впереди нѣсколько цѣпей,—а позади правильными колоннами наступаютъ...

— Хорошо-сь...

— Меня прислалъ полковникъ... Ожидаетъ приказаній.

— А у васъ сколько-сь?..

— Да двѣ неполныхъ роты... Перебито много... Офицеровъ только двое.

— Отлично-съ... Ступайте—и возьмите... Ступайте и возьмите.

— Куда?.. Что взять?..

— Ступайте и возьмите дружину... которая въ резервѣ... Ступайте, возьмите и сейчасъ-же прикажите Стальной батарее открыть огонь въ ту сторону.

— Да она ужъ открыла.

— Я самъ приду...

— Тамъ турки еще и орудія вздумали устанавливать... Одно у нихъ подбили.

— Отлично-съ... Прекрасно-съ... Пускай подобьютъ и другое-съ... Пойдите, впрочемъ, вы устали... Сядьте и отдохните—я за дружиной пошлю Сергѣева... Сергѣевъ, ступайте и возьмите!..

Сергѣевъ откозырялъ и пошелъ...

Я сейчасъ былъ впереди, на самомъ краю у спуска съ св. Николая...—началъ рассказывать Калининъ...

— Ну, и что-же?

— Вся долина Казанлыка—какъ на ладони. Несмотря на то, что залита солнечнымъ свѣтомъ, все можно различить... Видно въ бинокль, какъ отъ Малыхъ-Балканъ—надвигаются новые таборы...

— Много-съ?

— Конца имъ нѣтъ... Точно змѣя—идутъ отряды. Голова—у Шишки, а хвостъ теряется за Казанлыкомъ... и орудія блестятъ...

Стовѣковъ и Ренке переглянулись...

— Это-съ очень пріятно... Очень...

— Не взглянуть-ли намъ самимъ?—предложилъ Ренке.

— Отлично-съ... Отлично-съ... Пойдемъ—и посмотримъ.

А вы,—обернулся онъ къ Калинину:—ждитесь дружины и поведете ее туда...

Генералы вышли...

— Ну, что, ребята трудно?...—обернулся Ренке къ солдатамъ, сидѣвшимъ около въ ложементѣ...

— Что дѣлать, ваше прев—ство? Трудно-съ.

— А нужно стоять!..

— Не уступимъ... Эту Шипку мы кровью своей по-
лили...

— Тутъ турки нашихъ замучили, ваше п—во!..

— Ужли-жъ отдавать послѣ этого!..

Направо высилась скала.

Ренке и Стовѣковъ взошли на нее.

Передъ ними—нѣсколько внизу, кипѣлъ бой... Убивали и умирали.

— Эка молодець этотъ Толстой... — Засмотрѣлся туда Ренке.

— А что?

— Посмотрите, какъ онъ повель впередъ роту... Вотъ и подите! Помните, какъ онъ пріѣхалъ сюда только, что всѣ говорили?—«ну, прислали петербургскаго франтика»!.. А посмотрите, какъ онъ работаетъ... Дай Богъ всякому... Ахъ, молодець!.. Самъ впереди, при своемъ-то ростѣ!..

— Только бы не убили его...

— Ну, ваше пр—во, это еще можетъ быть самый счастливый исходъ.

— Отчего-съ?

— Да, вѣдь, мы это солдатъ утѣшаемъ, а сами-то вѣримъ, что придетъ помощь?.. Вы сообразите: Драгомировъ пошелъ на Еленскія позиціи; когда-то онъ еще вернется оттуда назадъ въ Тырново, а изъ Тырнова сюда... Я боюсь одного—чтобы турки насъ не обошли...

— Отлично-съ,—тогда умирать будемъ... Отлично-съ.

Со скаль нѣсколько дальше, дѣйствительно, была видна долина Розъ... Оттуда до сихъ поръ курились пожарища... По ровной поверхности ея, тамъ, гдѣ лѣса не застилали далей, видно было движеніе какихъ-то темныхъ массъ. Когда Ренке посмотрѣлъ въ бинокль, — онъ сейчасъ-же понялъ, что главныя силы Сулеймана подходятъ къ св. Николаю... Голова ихъ, дѣйствительно, находилась у селеніи Шипки, на мѣстѣ котораго стояли теперь только однѣ обгорѣлыя развалины, а хвостъ терялся темною, постепенно сливающеюся съ луговинами, извиристою линіей за Казанлыкомъ. Еще дальше грузными массами уже на горизонтѣ синѣли Малые Балканы...

— Нужно сейчасъ же телеграфировать Радецкому.

А съ другой стороны, внизу, графъ Толстой, тоже на глазахъ у нихъ, отбиваль атаку турокъ... Даже сюда, сквозь свистъ картечи, грохотъ залповъ, доносилась его бѣшеная команда. Онъ переходилъ съ одного конца ложементъ къ другому. Воодушевлялъ солдатъ, направлялъ

огонь — туда, гдѣ наступленіе турокъ было гуще и неудержимѣе... Скоро и здѣсь, впрочемъ, залпы стали рѣже и рѣже...

Турецкая атака была отбита... Непрiятель хлынулъ назадъ. Таборы въ безпорядкѣ сбѣгали въ лощину...

Между нашими и турецкими позиціями виднѣлись трупы турокъ. Они были разбросаны по всему скату... Нѣкоторые, недобитые, приподымались, проползали нѣсколько шаговъ и падали опять... Другіе протягивали руки, къ кому—неизвѣстно... Въ одномъ мѣстѣ чернѣла цѣлая груда труповъ... Одинъ на другого падали здѣсь. И не различишь людей въ этой базобразной массѣ...

Отбитая атака.

Калининъ быстро велъ дружину на боевыя позиціи...

Герои Эски-Загры точно ждали этого призыва. Они бодро шли впередъ за офицерами, которые смѣнили убитыхъ Калитина, Усова, Попова.

На полу-дорогѣ кому-то изъ дружинниковъ пришло въ голову зацѣть:

«Плачь, Марица окровавленная!»

И звуки этого гимна разнеслись далеко-далеко, подхватываемые сотнями грудей по всей линіи боя и акомпанируемые трескомъ залповъ и грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Унылый напѣвъ будилъ въ болгаряхъ жажду мести. Каждому вспомнились печальныя пожарища Эски-

Загры, тысячи жертвъ, зарѣзываемыхъ на ея улицахъ, разоренныя села и города, вытоптанныя нивы. Скоро уже на пути къ ложементамъ изъ ополченія стали выбывать люди... Нѣсколько ранило излетными пулями, другіе наткнулись на шальные, сновавшія здѣсь во всѣхъ направленіяхъ...

Но вотъ скать внизъ...

Впереди идетъ бой... Турки замѣтили, что сверху спускается новая часть къ нашимъ, и открыли по ней усиленный огонь... Стали валиться дружинники, наконецъ, кинулись бѣгомъ къ ложементу... «Урра!» вспыхнуло на бѣгу и перебросилось въ ложементы... Раненые, приподымаясь, тоже присоединяли къ этому торжествующему крику и свои слабые голоса... Они махали шапками—и тотчасъ же опять безсильно опускались на землю...

Стремительно ополченіе вбѣжало въ ровикъ—и новая цѣпь турокъ была встрѣчена густымъ залпомъ... цѣпь ушла назадъ.

Роту, сидѣвшую здѣсь до сихъ поръ, хотѣли вывести въ резервъ, — она потеряла слишкомъ много народа...

Солдаты отказались.

— Мы бургарамъ поможемъ... Куда тутъ уходить!..

Орловцы перемѣшались съ дружинниками.

А турки наступали все упорнѣе и упорнѣе... Со всѣхъ сторонъ они сыпали на этотъ пунктъ мириады пуль... Словно раскаленный дѣждь падалъ съ неба. Слѣдо гесв

погребались подь развалинами нечестивые Содомъ и Гоморра. Не было секунды, когда бы десятками разгоряченный свинець не шлепался о камни, о землю, о тѣла защитниковъ Шипки... Еще не видно было новыхъ цѣпей, а турки уже готовили успѣхъ своей атакѣ. Цѣлый вихрь, цѣлый адъ треска и грохота... Вотъ сквозь него прорѣзывается унылый сигналъ...

— Новыхъ собираютъ, анаемы!

Сигналъ, повторяется еще, но уже дальше...

— Должно, сейчасъ со всѣхъ сторонъ пойдуть...

Сигналъ наконецъ, замираетъ гдѣ-то далеко, далеко.

— Гляди, гляди, ребята!.. Внизу-то...

На противоположномъ скатѣ горы густятся правильныя колонны... Четыреугольниками медленно сходятъ онѣ внизъ. Вонъ, затерялись въ лѣсу... Опять вышли на открытое пространство... Тихо, тихо идуть... Вотъ пропали въ лоцинѣ... Точно эта сырая и прохладная понизь поглощаетъ таборъ за таборомъ...

— Теперь у нихъ здѣсь около двѣнадцати таборовъ будетъ, — замѣчаетъ Калининъ начальнику болгарскаго ополченія.

— А нашихъ?

— Ваша—дружина; до полуроты.

— Значить, одному противъ двѣнадцати...

Рѣзкій, протяжный стонъ турецкаго рожка...

— Командуютъ разсыпаться цѣпью...

— Братцы!..—встаетъ командиръ. — Патроновъ у насъ мало—берегите ихъ. Стрѣлять только по командѣ. Вы-

держивай ихъ на себя... Слышите — чтобы беспорядочныхъ выстрѣловъ не было... Ну, на изготовку! приложитесь!

Ложементъ точно замерь... Только изрѣдка шлепокъ пули и вопль раненаго — и опять тишина... Зловѣщая...

Впереди изъ-за камней и между ними показывается непріятельская цѣпь.

Красныя фески мелькаютъ тамъ, куда не взглянешь... Цѣпляются турки по крутому скату, перебѣгаютъ отъ камня къ камню... Ложатся и вновь вскакиваютъ... За этой цѣпью другая... За ней третья... четвертая...

— Будетъ рѣшительное дѣло!..—замѣчаетъ дружинный офицеръ Калинину.

— Да посмотрите-ка, — позади цѣпей густятся колонны...

Головы колонъ, дѣйствительно, выдвинулись изъ ложины и, соединяясь, взбираются на высоты.

Пронзительный, металлическій визгъ надъ головами нашихъ; съ русскихъ батарей первая граната, описывая громадную дугу, падаетъ передъ одной изъ цѣпей... Массы земли и камни вверхъ. — Грохотъ и стонъ разрыва... Обломки камней валятся внизъ; вмѣстѣ съ ними срываются и люди въ красныхъ фескахъ, оглушенные или раненные... Масса лѣзетъ вверхъ... Еще грохотъ, еще граната... Третья, четвертая...

— Ахъ, ты, — матушка, голубушка наша, — замѣчаетъ орловець... Ишь, какъ турку жреть...

— Ты это про кого?

— А батарейка-то!..

— Ой!..—вскрикиваетъ капитанъ, схватываясь за грудь и перевертываясь на спину. Лицо краснѣетъ. Сквозь пальцы у груди сочится кровь.

Несчастный приподнялся на рукахъ, чтобы заглянуть на турокъ, да пуля угодила—на смерть...

— Отецъ родной! — хлопчуть около солдаты... — У, анафемы! — грозить одинъ туркамъ, выпрямляясь во весь ростъ.

— Смотрите, братцы...—хрипитъ умирающій: — честно стоять... Не уступайте Шипки! Дорого она намъ стоитъ.

— На перевязочный пунктъ бы...—подходить къ нему солдатъ.

— Какой тутъ перевязочный пунктъ...—стонетъ капитанъ... — На смерть!.. Никакая перевязка не поможетъ... Съ вами останусь, съ вами и умру, авось стыдно будетъ тому, кто бѣжать захочетъ... Стойте, ребята, честно... Гдѣ Иванъ Федоровъ?

Иванъ Федоровъ пробирается къ нему.

— Ну, прощай, Иванъ... — голосъ умирающаго дрогнулъ...—Будь здоровъ. Вернешься домой своимъ скажи: умеръ, какъ солдатъ... Дѣти мои, — обертывается онъ къ солдатамъ: — эхъ, одна семья у меня и была — рота... Любилъ я васъ... Помните... не забывайте своего командира. — Прощайте, дѣточки... Дай вамъ, Богъ — вернуться...

— Дружина! — разносится громкая команда командира...

Всѣ бросились къ ружьямъ.

Турки близко, близко — цѣпь ихъ уже бѣгомъ бѣжить на ложементы... Точно опьянѣлая — иной, помолодушнѣе, зажмурится, а не отстаетъ... Шатаются — и бѣгутъ... Вотъ-вотъ ворвутся... уже торжествующее «алла, алла!» начинаетъ разгораться у нихъ въ цѣпи.

— Пли!.. — рѣзко обрываетъ та-же команда.

Шумящій трескъ залпа, и длинная линія огня и дыму зигзагомъ срывается съ ложемента...

Неприятельская цѣпь словно перевернулась... Люди схватились за лица руками, другіе обернулись спиной и низко — низко наклонившись, бѣгутъ назадъ. Третья бьются на землѣ... Одинъ сбрасываетъ другого внизъ... Сбиваются въ кучи за каменьями, прячутся за каждую неровность земли... Только какой-то албанецъ, судя по типу, лица, — въ жару атаки вскочилъ въ нашъ ложементъ и сѣлъ тамъ, — остолбенѣло поводя во всѣ стороны желтыми бѣлками, видимо, ничего не различающихъ въ эту минуту глазъ.

Противъ него оказался какъ-разъ Иванъ Оедоровъ.

Ружье въ рукахъ, — да тоже оторопѣлъ. Смотрятъ другъ на друга... Только мигаютъ... Наконецъ, точно опомнился Иванъ, бросилъ ружье на землю и всею пятерней — хлопъ турка «въ морду» *)...

*) Дѣйствительный фактъ.

— Аманъ; аманъ,—завопилъ албанецъ, пошатнувшись отъ удара.

Рядомъ стоящій нашъ орловецъ треснулъ его прикладомъ по черепу. Точно спѣлый арбузь, раскололось темя—и трупъ выбросили за ложементъ...

Сброшенная внизъ цѣпь наткнулась на свѣжую и смѣшалась съ нею.

Новый сигналъ атаки, и новый свѣжій таборъ вышелъ снизу. Цѣпь опять двинулась на нашъ ложементъ.

Опять такой же залпъ и съ тѣмъ же эффектомъ.

Когда подошла третья цѣпь—разгоряченный боемъ Калининъ не выдержалъ. Онъ командовалъ частью орловцевъ въ центрѣ траншеи. Нужно было занять пунктъ впереди,—тогда турокъ наступалъ бы еще труднѣе.

— Ну-ка, братцы, за мной! Покажемъ этимъ прохвостамъ, какъ драться надо... Сопровождаемый пятьюдесятью солдатами, онъ выбѣжалъ на-встрѣчу туркамъ, чтобы захватить небольшую группу скалъ, за которыя прятались непріятельскіе стрѣлки. Оттуда они выбивали нашихъ на-выборъ.

Живо кинулась туда небольшая толпа солдатъ... По нимъ открыли бѣлый огонь турки — но спустя минуту, наши были уже тутъ... Завязалась штыковая свалка.

— Оканчивай, оканчивай дѣло, ребята, да засядемъ здѣсь впереди!.. Молодцы!.. Ну-ка еще—вотъ... Ай, да богатыри!.. Смѣль...

И не успѣлъ Калининъ досказать, какъ что-то ударило его въ животъ и жгучей болью отозвалось внутри...

— Что это?.. трогаетъ Калининъ раненое мѣсто... Ахъ, какъ больно!.. Гдѣ это—ой!..

Солдаты изъ-зади подхватили его, — потому что прапорщикъ вдругъ откинулъ руки и съ глухимъ стономъ опрокинулся на спину...

Позиція осталась за нами...

Бурдонъ и Михельсонъ.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ

вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ
съ означеніемъ ихъ корней.

Изданіе девятое исправленное и дополненное

В. Кошкарнымъ.

М. 1899 г. Ц. 60 к., въ пер. 85 к.

Предпринимая изданіе настоящаго словаря, я имѣлъ цѣлью дать возможность каждому приобрѣсти полезную книгу по самой общедоступной цѣнѣ. По своей полнотѣ этотъ словарь имѣетъ большое преимущество передъ другими изданіями того-же реда: въ немъ помѣщено около 20,000 словъ, тогда какъ этотъ-же словарь (Михельсона и Бурдона, цѣна 4 р.) въ прежнихъ изданіяхъ, хотя и былъ заглавленъ: „150000-иностранныхъ словъ“, однако содержалъ въ себѣ всего 22—23 тысячи словъ, въ томъ числѣ массу лишнихъ, какъ-то: переводъ еврейскихъ и другихъ собственныхъ именъ, специальныхъ латинскихъ названій различныхъ болѣзней, медицинскихъ и другихъ терминовъ и т. д., которые изъяты при исправленіи. Словарь же Дубровскаго (цѣна 1 р.) содержитъ въ себѣ всего 15—16 тысячъ словъ. Источниками при исправленіи и дополненіи словаря служили: Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, словарь Граната и другія не менѣе извѣстныя изданія. Кромѣ того я приложилъ всѣ старанія, чтобы дать книгѣ изящную внѣшность: словарь отпечатанъ на хорошей бумагѣ и содержитъ въ себѣ 476 стр. убористой, отчетливой печати въ два столбца. Насколько я достигъ своей цѣли—предоставляю судить читателю (публикѣ)

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Θ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ бібліотекъ и читаленъ.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Θ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Томе, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папѣ 20 к. и въ коленкор. перепл. 35 к.

Цѣна 10 коп.